

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Учебная конференция 1-го курса магистратуры «Современная историческая наука в преподавании истории в школе»

*От Древней Руси к современности:
Новые аспекты изучения истории в школе*

апрель 2020 г.

Программа конференции

От Древней Руси к современности:

Новые аспекты изучения истории в школе

(регламент выступления 15- 20 минут – обсуждение 15 минут)

Секция 1: От Древности к Новому времени

Гордон Андрей Сергеевич. Военные реформы в Византийской империи в X – начале XI в.

Тикахина Лариса Николаевна. Отношений Руси с Византией и Болгарией при князе Святославе : основные направления изучения

Таперо Мария Ивановна . Вклад пленных шведов в строительство Петербурга на первых этапах существования города.

Матлах Дарья Евгеньевна. Политическая теология Петра I: от Антихриста к идее Богоизбранности

Секция 2. Политические и социо-культурные вопросы изучения Российской империи XIX в.

Попова Ольга Викторовна. Ориентализм в творчестве Н.Н.Каразина

Денискина Алена Владимировна. Становление мировоззрения Чернышевского на основе дневника 1848 года

Коновалова Виктория Витальевна. Благотворительность императрицы Марии Федоровны как следование традиции императорской семьи

Илюшин Иван Алексеевич. Укрепление финского побережья в 1855 году: мнение генерал-адъютанта Ф.Ф. Берга

Секция 3. История и культурная политика XX века

Овсянникова Софья Алексеевна. Советская разведка в 1920-е гг. в Китае: проблема военной школы Хуанпу

Басова Алена Александровна. Национализация усадьбы "Архангельское" в 1918 г. и становление музея в 20-е гг. XX в.

Степанянц Екатерина Евгеньевна. Первые градостроительные планы г. Кировска (1929-1940 гг.)

Головченко Валерия Константиновна. Детская культура досуга в период «Хрущёвской оттепели» (без тезисов)

Вихрова Наталья Юрьевна. Стратегии пропаганды после событий "чёрной субботы" в публикациях газет "Правда" и "New York Times" от 28-29 октября 1962 года во время Карибского кризиса"

Бейнштейн Евгения Владимировна. Место памяти Норильская Голгофа: как все начиналось

ТЕЗИСЫ

Военные реформы в Византийской империи в X – начале XI в.

Восточная Римская империя или Византия, оправившись от поражений понесенных на западе и на востоке (где самыми опасным и непримиримым был арабский Халифат) в VII-IX веках, смогла найти в себе внутренние силы и, перестроив свою административную и экономическую системы, добившись относительного мира и согласия в обществе по религиозным вопросам, дать отпор своим врагам. Империя смогла не только вернуть себе значительную часть потерянных ранее земель, но обрести своё прежнее место в мире как региональная сверхдержава. Можно утверждать, что взлёт Византии в X в. стоит в одном ряду с такими процветающими эпохами, как времена Юстиниана Великого и династии Комнинов. Данные успехи были бы невозможны и без ещё одного важного фактора — военной силы, которая прошла долгий и кровавый путь «естественного отбора» в борьбе с многочисленными врагами. Именно сама уникальность этой эпохи, сам феномен очередного возрождения Восточно-римского государства заставляет историков изучать те причины, благодаря которым подобное стало возможным.

Для раскрытия военных реформ Византии X-XI веков представляется существенным обратиться как к самим реформам, изучив их содержание и эффективность, так и к тем источникам, которые зафиксировали пореформенный статус восточноримской армии той эпохи — а именно Византийским военным трактатам, или, как их называют некоторые историки сегодня, пособиям.

Ввиду всего вышесказанного представляется естественным, что эпоха получила в российской и международной историографии должное освещение, как в общих работах по истории Византии той эпохи, так и в работах, где рассматривались конкретные институты византийского общества.

Особо интересен исследователям один из наиболее выдающихся правителей Македонской династии — император Никифор II Фока (963-969 года) — первый в череде трёх императоров-воинов, которые вернули мир, безопасность и чувство гордости за державу жителям своей страны. Именно при Никифоре активизируется внешняя политика страны на всех направлениях, особенно в борьбе с миром ислама. Это усиливается самой личностью императора — яркой и порой противоречивой, что добавляет колорита как эпохе его правления, так и тем реформам, инициатором которых он был. Главное, что сделал этот *базилевс* — он продолжил реформы своих предшественников по сохранению частного землевладения *стратиотов* — полупрофессиональных воинов, державших наделы в Империи и обязанных платить государству военной службой за пользование своей землёй. Уже не одно столетие крупные землевладельцы — димархи- угрожали стратиотскому мелкому землевладению, стремясь поглотить его. Устанавливая ограничение на скупку земель рядовых ополченцев и другим образом ограничивая крупное землевладение, императоры одновременно и защищали свою социальную базу - «средний класс» восточно-римского общества и одновременно заботились о безопасности

государства. Император Никифор внёс свой — особенный вклад в этот процесс, не только закрепив новыми нормами (императорскими новеллами) неотчуждаемость имущества стратиотов, но и ещё больше укрепил их положение, разделив их на пять страт и закрепив их статус внесением земель в кадастровые списки. Была также введена новая категория воинов с большим неотчуждаемым лимитом собственности — страта *катафрактов*. Последние уже являлись не просто ополченцами — это были профессиональные конные воины, тяжёлая конница, одно только снаряжение которой стоило по тем временам целого состояния. Одновременно с военной реформой были проведены и сопутствующие ей военно-административные и социальные реформы. Но «заикленность» императора на военной повестке, его нечастое пребывание в кишасей интригами столице, недовольство крупных землевладельцев и части коррумпированного чиновничьего аппарата его честной и принципиальной поистине пронародной политикой в результате привели к заговору и убийству. Преемники императора — захвативший трон после его смерти Иоанн Цимисхий и Василий Болгаробойца, продолжили, пусть и в более осторожном ключе, реформы своего предшественника.

Оценить уровень развития военного искусства Ромейского царства в тот или иной период его истории можно, опираясь на анализ византийских военных руководств.

Византийская империя или, как сами жители этого государства называли свою страну, Βασιλεία Ῥωμαίων (Римское царство), была большую часть своей истории одной и крупнейшей и могущественнейшей держав средневекового мира. Продолжая традиции и институты Римской империи, в своей истории она подвергалась со всех сторон нападению различных имеющих численное преимущественно врагов. Поэтому Византия сохранила со времён античности и поддерживала свою сложную и подчас запутанную военную систему. Основой этой системы были дисциплина, тренировки, знание тактики и хорошо организованная логистика. Критически важной составляющей в поддержании жизнеспособности военных «технологий», помимо традиционно появляющихся исторических сочинений, были различные военные трактаты («*тактики*», «*стратегики*») и сборники военных «советов» (*стратигемы*). Эти трактаты опирались на непрерывную традицию, идущую от античности: на военные труды римских и греческих писателей вплоть до Ксенофонта. Византийские военные трактаты уже в своей стилистике несут отпечаток военных теорий античных авторов и используют военную терминологию римлян и греков, что не всегда удобно, особенно при прочтении пространных сочинений, таких как, например, «Тактика» императора Льва.

В X-XI вв. было написано несколько военных инструкций по управлению и организации армией. Они носили названия «стратегики» и «тактики». Авторство их принадлежит либо императорам, имевшим воинский опыт, либо их безвестным стратигам. Из таких инструкций следует выделить:

1) «Тактику» императора Льва Мудрого», написанную на рубеже IX-X веков. Это всеобъемлющий труд по организации структуры раннесредневековой армии, руководстве ею в бою, строительстве и охране лагеря. Особо уделено внимание вопросам логистики;

2) трактат «Об управлении империей», авторство которого принадлежит сыну Льва Мудрого Константину VII Багрянородному. Помимо военных вопросов это произведение затрагивает также административные и финансовые вопросы управления государством;

3) Трактат «Перипарадромос полему» (περὶ παραδρομῆς) - руководство о ведении пограничной войны силами небольших (5-6 тыс. чел) кавалерийских отрядов, осуществлявших набеги на вражеские приграничные земли. Автор называет себя императором Никифором, но учёные уже установили, что это военное пособие написано уже после смерти императора и по его поручению одним из его приближённых, возможно — братом Львом Фокой;

4) «Силлоги Тактикон» (συλλογὴ τακτικῶν) - это собрание стратигем, то есть конкретных приёмов, методов, уловок при ведении военных действий. Особый интерес представляют входящие в данный труд «полиоркетики» - руководства по осаде городов и приведённые примеры из античных военных руководств;

4) «Стратегика государя Никифора» (στρατηγικὴ ἔκθεσις καὶ σύνταξις Νικηφόρου δεσπότη) - является аналогом соответствующего труда императора Льва Мудрого, но в отличие от первого, имеет более практическую направленность, то есть не содержит вводных исторических и теоретических положений о ведении войны. Данный труд — это практическое пособие восточноримского генерала, ведущего в середине X века войну на восточной границе с арабами. Причём численность его армии — не меньше 20 тыс. человек. Понятно, что подобную крупную по раннесредневековым меркам военную силу трудно даже поддерживать провизией и снаряжением, не то что управлять её в бою и решать дисциплинарные опросы. Данный труд, несмотря на незатейливость и простоту его речи оказался настолько понятным, структурированным и удобным, что оказался едва ли не последним заметным военным сочинением, написанным в Империи вплоть до конца её существования;

5) единственной сравнимой по масштабу работой вышедшей в следующем — XI столетии и содержащей значительные заимствования из «Стратегики» была «Тактика Никифора Урана» - произведение написанное одним из наиболее опытных полководцев императора Василия II, государя, при котором Византия достигла вершины своего могущества. В данном труде положения о построении армии и управлении ею в бою приспособлены к условиям новой эпохи.

Все виды реформ - военные, социальные и военно-административные реформы, которые были проведены в Византии в рассматриваемый нами период, нашли прямое или косвенное отражение в военных трактатах X-XI вв.

Главной особенностью реформ было так называемое антидинатское законодательство, которое защищало рядовых держателей земель — стратиотов-ополченцев от поглощения их наделов крупными землевладельцами. Таким образом, обнаружившийся уже в ту эпоху кризис фемного строя - опоры империи - был на время «заморожен».

Отношения Руси с Византией и Болгарией при князе Святославе: основные направления изучения

Целью моего исследования стало осмысление историографической традиции, связанной с отношениями между Русью, Болгарией и Византией при Святославе. Для достижения цели мною было выделено несколько задач:

- проанализировать исторические труды русских историков;
- изучить работы зарубежных историков;
- дать оценку изложенному материалу.

Русская историография начинается с «Истории Российской» В. Н. Татищева (ок. 1739 г.), продолжающей летописные традиции. Одним из источников труда стала «Иоакимовская летопись», подлинность которой подвергается сомнению. На основе этого источника Татищев выводит образ Святослава, как воинствующего язычника, истребляющего христиан и принявшего в итоге «казнь от Бога».

М. В. Ломоносов в своей «Древней российской истории...» (1766 г.) опирается в основном на Нестора, но при этом к летописи относится критически, часто дополняя ее. Говоря о Святославе, Ломоносов излагает версию Скилицы, но корректирует ее по Нестору.

М. М. Щербатов в «Истории Российской от древнейших времен» (1770 г.) серьезнее осмысляет исторические процессы, а потому не дополняет их собственными домыслами и рассуждениями. При этом он вносит в летописную версию походов Святослава сведения из греческих источников.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (1816 г.) делает попытку обнаружения причинно-следственных связей в летописях, преимущественно византийских. Походы Святослава историк обозначает как одно из замечательнейших явлений русской истории. Н. А. Полевой в «Истории русского народа» критикует подход Карамзина, а на Византию смотрит свысока. Походы Святослава описывает по Льву Диакону.

С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» (1851 г.) скрупулезно анализирует события, но использует ограниченное количество источников и делает основной упор на освещение этнических и географических вопросов, а не на изложение исторических событий.

В. О. Ключевский в «Полном курсе русской истории» (1904 г.) использует в первую очередь иностранные источники: хроники Льва Диакона, скандинавские саги и арабские летописи, подвергая их глубокому анализу.

В труде Ф. И. Успенского «История византийской империи» (1913 г.) отношения с Русью посвящены три главы, этот историк впервые критикует Льва Диакона, а итоги войны 970 – 971 года рассматривает как полный крах Руси.

Дореволюционная историография в процессе развития отошла от фрагментарного и предвзятого изложения истории и пришла к аналитическому подходу и использованию большей части доступных источников. Советские историки рассматривали Святослава не с точки зрения его личных заслуг, а с точки зрения его действий и их значения для народа.

И. Лебедев в статье «Воины Святослава I» (1938 г.) акцентировал внимание на воинских подвигах князя, выражая мысль о том, что Святослав стремился создать империю. Б. Д. Греков в монографии «Киевская Русь» (1949 г.) рассматривает Святослава не только как завоевателя, но и как политического деятеля. В. В. Бартольд выдвинул гипотезу, что Святослав стремился создать благоприятные условия для жителей завоеванных земель. А. Н. Сахаров в работе «Дипломатия Святослава» (1982 г.) рассматривает все доступные источники, пытаясь дать объективную оценку князю.

Зарубежная историография XIX века мало отличается от российского того же периода. В конце XIX века француз Д. Шлюмберже выдвигает идею о том, что Святослав был орудием в руках византийцев. Эта точка зрения нашла отражение в работах болгарских историков начала XX века. Болгарский историк М. Д. Дринов первым противопоставил болгаро-византийский союз русскому нашествию, задав направление для дальнейших исследований Н. Златарского, Н. П. Благоева и прочих. В отличие от них объективно подошел к вопросу П. Мутафчиев.

Изучение исторических трудов, созданных русскими и зарубежными историками разных лет позволяет сделать вывод о том, что среди ученых не существует единого мнения по поводу отношений Руси, Болгарии и Византии во времена правления Святослава. Часто ключевые моменты изучаемого периода либо остаются вовсе без внимания, либо оказываются предметом спора. Вероятно, это обусловлено изначальными расхождениями сведений в русских и византийских летописях.

Вклад пленных шведов в строительство Петербурга на первых этапах существования города

Опыт использования труда и, в частности, специальных навыков основной массы военнопленных в строительстве городов – одна из интересных, но малоисследованных тем. Данные крайне отрывочны и разбросаны по многочисленным источникам. В большинстве исследований преимущественное внимание зачастую уделяется судьбам отдельных персон, что вызвано мемуарно-биографическим характером большинства доступных источников. Меньше внимания уделено судьбам основной массы рядовых военнопленных.

В докладе речь пойдет о роли пленных шведов в строительстве Петербурга. А эта роль была велика, недаром место, где жили выходцы из Швеции, сохранило свое название - Шведский переулоч, и в настоящее время там расположено Генеральное консульство Швеции.

Судьба шведских военнопленных в Ленинградской области и в северной столице в последнее время активно изучается. В 2014 году в рамках цикла выставок «Иностранцы в Петербурге» в Государственном музее истории Санкт-Петербурга была проведена фотовыставка «Шведский Петербург». На ней в визуальных образах была подчеркнута роль шведских военнопленных в возведении северной столицы. Но остается еще немало проблем, исследование которых позволит ответить на вопросы **о своеобразии** создания Петром I новой столицы и о ресурсах, которые для этого были привлечены.

В первые десятилетия своего существования Санкт-Петербург стал местом жизни и работы для многих шведских пленников, попавших сюда в ходе Северной войны. После одной только Полтавской битвы 1709 года были захвачены 22 тысячи воинов противника. В числе пленных, попавших в строящуюся столицу, были и жители завоеванных в ходе Северной войны городов - Нарвы, Риги, Кексгольма (Корелы, ныне Приозерска), Выборга, Копорья, Ниена.

В 1712 году пленные шведы вместе с монахами Александро-Невской Лавры и русскими солдатами прокладывали Невскую «перспективу» - будущий символ города - Невский проспект. Пленный швед Шредер разбивал первый Михайловский сад¹.

В 1714 году шведские пленные ювелиры основали в Петербурге первый в России небольшой цех иностранных золотых и серебряных дел мастеров.

Многие «швецкие арестанты» были определены в различные ведомства (канцелярию городских дел и даже коллегии), испытывавшие нехватку квалифицированной рабочей силы².

Сохранившиеся в документах Российского государственного исторического архива данные позволяют заключить, что пленные трудились как в самом Петербурге, так и в загородных резиденциях царя. Они были заняты на строительстве Петропавловской крепости, церкви Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, работали в Летнем саду, на Почтовом и Конюшенном дворах, на строительстве подъемных мостов, Летнего и Зимнего дворцов, в царских садах.

Диапазон занятий был достаточно широкий: плотники, столяры, каменоломщики, кузнецы, портные, переводчики, лекари, «черепишники», садовники, кровельщики, резчики, чернорабочие, писари, пасторы.

В строящемся Петергофе летом 1721 года 108 шведов под командованием лейтенанта лейб-гвардии Преображенского полка Ильи Кишкина выполняли следующие работы: в кузнице, «у лекаря за фелшаров» (фельдшер), «у надзирания больных», «при морских прудах», «на полатах кровлю пояют», «колесы отделявают», «камень ломают», «на чердачки холст шьют», «у моляров краски трут», «в летнем доме фундамент камнем выстилают», «известь творят и сеют», «уголья носят», «сарай делают», «на уступах траву косят», «на уступах дерном стелют», «тележки починивают»³.

Некоторые пленные заключали договор с русскими властями и временно переходили на российскую службу. Их отпускали «под пароль», то есть под честное слово. В специальном «парольном письме», которое они подписывали, шведы обязывались честно

¹ «Великолепное предместье Петербурга, - писал Г. Ф. Бассевич, - названное проспектом, было все вымощено их руками, и они до самого Ништадтского мира подвергались унижительной обязанности чистить его каждую субботу». См.: Бассевич Г.-Ф., фон. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX вв. - М., 2000. С. 360.

² Семенов Л. Н. Иностранцы мастер в Петербург в 1- трет XVIII века// Наук и культур Росси XVIII века. Л., 1984.

³ Полтава: судьбы военнопленных и взаимодействие культур. М., 2009.

работать, не сбегать из Петербурга, не вести тайную переписку, не совершать никаких действий против государя, указывался и срок, который нужно было отработать в России. «Парольные» шведы становились «временно вольными», жили на квартирах и могли наниматься на работу. Для получения «парольного письма» необходимо было поручительство нескольких иностранцев⁴.

Следует сказать, что пленные шведы представляли собой разные социальные прослойки, что не могло не влиять на места, выбранные для их расселения. Выбор мест размещения был доступен преимущественно генералитету, представителям офицерского состава и тем рядовым, которые нанимались для ведения городских работ⁵.

Отношение к «швецким арестантам» было весьма гуманным. За свою работу они получали жалованье, денежное и «хлебное», то есть деньгами и продуктами. Причем хлебное жалованье шведам было таким же, как и российским участникам строительства Петербурга. Женатым полагалось в два раза больше хлебного жалованья, нежели вдовым и холостым работникам. Шведский плотник в 1715 году получал 30 алтын (90 копеек) в месяц.

23 июля 1721 года вышел один из первых синодальных указов «О разрешении пленным шведам жениться на русских девках и вдовах». Отметим, что для заключения венчанного брака от пленника не требовалось изменения веры, достаточно было того, чтобы он был христианином. Спустя месяц, 18 августа Святейший Синод выпустил «Послание к православным о беспрепятственном вступлении в брак с иноверцами», в котором содержались следующие строки: «...Шведским пленникам, которые имеют искусство в рудных делах и в торгах, и в службу государеву идти пожелают: и таким в женитьбе оной на русских девках, без перемены их закона позволение дать надлежит: понеже в чужих краях в рудных делах гораздо искусных людей достать трудно и мало таких сыскать можно, дабы кто, тамо оставя свои дома и промыслы и в Россию пошли в службы»⁶.

Петербург «задумывался» Петром, как европейский город, поэтому для его возведения и функционирования требовались квалифицированные кадры, и плененные в ходе Северной войны шведы порой приходили на «выручку». За полтора десятилетия пребывания в России пленные шведы показали себя умелыми мастерами. Их присутствие позволило

⁴ Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Труды. Т. IV; Журнал Министерства народного просвещения. 1851. LXXVII

⁵ Кошелева, Ольга Евгеньевна. Повседневность Петербурга петровского времени : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Москва, 2006. - 441 с

⁶ Послание Святейшего Синода к православным о беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами 18 августа 1721 года // Законодательство Петра I. М., 2008. С. 720, 722.
Российский Государственный Исторический Архив ф. 828, оп. 1—1836, д. 2.

хотя бы частично компенсировать нехватку квалифицированных кадров. Шведские мастера обучали русских людей, передавали им свой опыт.

К тому же, по мнению шведского исследователя К. Петерсона⁷, Петр I пытался создать государственный аппарат, соответствующий аппарату Карла XI, при котором в Швеции окончательно утвердилась самодержавная форма правления.

Таким образом, при проведении реформ Петр I широко использовал шведскую модель. Однако, как отметил известный специалист по российской истории XVIII в. Е.В. Анисимов⁸, воспроизвести ее полностью «Петр не смог, да и не стремился к этому».

Список использованных источников:

1. Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особностью»: Реформа власти и управления при Петре Великом // Звезда. 1995/1
 2. Гессен Ю. Пленные в России в древнейших времен. Пг., 1918. Вып.1; Гессен Ю. Жизнь пленных в Московском государстве; Гессен Ю. Труд пленных в Московском государстве //Русское прошлое №2, Пг., 1923.
 3. Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Труды. Т. IV; Журнал Министерства народного просвещения. 1851. LXXVII
 4. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М. 2005
 5. Эренмалм Л. Ю. Описание города Петербурга, вкпе с некоторыми замечаниями // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991
 6. Беспалов А.В. Северная война. М., 1998. С. 12
 7. Сборник Русского исторического общества. Т.11. СПб. 1873. С. 134
 8. Законодательство Петра I.Отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М.: Юрид.
 9. Послание Святейшего Синода к православным о беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами 18 августа 1721 года // Законодательство Петра I. М., 2008. С. 720, 722.
- Российский Государственный Исторический Архив ф. 828, оп. 1—1836, д. 2.
10. Военные и военнопленные протестанты и их роль в формировании Евангелическо-лютеранской церкви в России (XVI- начало XX) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 2005.

⁷ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedens and the Process of Reception. Stockholm, 1979

⁸ Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особностью»: Реформа власти и управления при Петре Великом // Звезда. 1995/1

11. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedens and the Process of Reception. Stockholm, 1979.

Политическая теология Петра I: от Антихриста к идее Богоизбранности.

Доклад посвящен рассмотрению концепции Эрнеста Зицера о Царстве Преображения Петра I и ее принципиального отличия от существовавшей ранее в историографии точки зрения о Всешутейшем соборе.

Современники Петра I и, позже, исследователи данного периода отечественной истории совершенно однозначно воспринимали создание Всешутейшего собора и участие в нем «Петра и кумпаний», как глумление над старыми обычаями и над церковью. Некоторые исследователи, в частности Б. А. Успенский и К. Валишевский («Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен», «Петр Великий») относят Всешутейший собор к проявлениям типичного для Петра I (как и для ряда его предшественников, прежде всего Ивана Грозного) «анти-поведения», опирающегося на народные представления и святочные маскарадные традиции. Л. Трахтенберг и М.М. Бахтин предполагали, что Петр познакомился с западной карнавальной традицией во время Великого посольства, увидев именно на Западе избрание «дурацкого епископа и архиепископа» или «дурацкого папы», «папы шутов», которое могло быть частью карнавала (избранного торжественно отводили в церковь, где плясали, затем «епископ» служил мессу, давал благословение). Так же, существовала точка зрения, что это явление «отчасти уходит корнями в традиции шутовской скоморошьей культуры, когда начиналось святочное веселье с его «передразниванием» реальной жизни, с ряжеными, шутками, частенько непристойными, разгулом, пьянством и издевательствами над людьми. Тем не менее, многие исследователи, в том числе В. О. Ключевский, а за ним и И. Л. Андреев увидели в Соборе одну из основных целей – порвать со стариной.

Э. Зицер исследовав данный вопрос, пришел к мнению, что вынося на смех святое и традиционное, Петр укреплял собственную власть в частности и позицию России на мировой арене в целом. На основании сравнения и проведения аналогий между пародированиями священных таинств, карнавальных действий и сюжетами из священного писания, Зицер доказал, что Петр таким образом утверждал божественную природу царской власти при своем дворе. Политические таинства Преображенного царства возвышали Петра над придворными группами и демонстрировали его власть над церковью, а так же, создавали вокруг него своего рода рыцарский орден. Благодаря

этому, царь, еще до проведения крупных реформ, ввел среди своего ближайшего круга новые нравственные модели и идею имперской экспансии.

*Секция 2. Политические и социо-культурные вопросы изучения
Российской империи XIX в.*

О. В. Попова

ОРИЕНТАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. КАРАЗИНА

О восточном тексте европейской культуры написано немало. Немало существует и работ, посвященных восточному тексту русской культуры. Авторы последних придерживаются в самом общем виде двух основных точек зрения: приверженцы первой констатируют, что русское восприятие Востока не отличалось от европейского, носители русского культурного сознания являлись такими же ориенталистами в саидовском понимании, как и европейцы. Сторонники второй точки зрения, напротив, отмечают принципиальное отличие восточного текста русской культуры от восточного текста культуры европейцев. Вопрос о том, насколько «ориенталистским» является восточный текст русской культуры, мне кажется актуальным. Ответ на него позволяет в некоторых моментах прояснить специфику русской культуры.

Выбор личности Н. Н. Каразина обусловлен его популярностью литератора и живописца, а также тем, что он был непосредственным участником военной кампании генерала фон Кауфмана. Образ Востока, представленный в его художественных работах, формировал в определенной степени особенности восприятия этих территорий у русской прогрессивной публики последней трети девятнадцатого столетия.

Ориентализм в художественном сознании Н. Н. Каразина исследуется с позиции того, отражена ли (и в какой мере) в его структуре ориенталистская идеология. Специфика репрезентации образа Востока в литературных текстах Н. Н. Каразина может быть исследована посредством контент-анализа, который позволит выявить наличие/отсутствие в его литературных произведениях ориенталистских маркеров: эпитетов, словосочетаний, метафор, которые репрезентируют жителей Средней Азии через значения отсталости, неполноценности и проч. Специфика репрезентации образа Востока в живописных работах Н. Н. Каразина может быть определена посредством структурно-семиотического анализа, который позволяет выявить культурные коннотации, стоящие за тем или иным изображением.

С исследуемой точки зрения литературные произведения Н. Н. Каразина неоднородны. Ряд работ содержит ориенталистские маркеры (такие как, например, «окраины цивилизованного мира», «полудикие народы центральной Азии», «суеверный дикарь» («Аттка собакъ подь Ургутомъ»)). С другой стороны, преобладающий корпус

произведений Н. Н. Каразина, посвященных Средней Азии, таких маркеров не имеет. Если говорить о живописных произведениях Н. Н. Каразина, то в первую очередь я анализировала, выражена (либо нет) оппозиция «Восток – Запад» на уровне художественных средств: колорита, композиции, способов передачи пространства. Ориенталистский дискурс может быть репрезентирован через художественный прием антитезы – колористической, композиционной – и через двухплановую композицию, которая также может содержать идею противопоставления.

Анализ живописных и графических работ Н. Н. Каразина, посвященных образам Средней Азии, позволяет говорить об отсутствии в них установок на ориенталистскую репрезентацию образов новой провинции Российской империи. Художник не показывает столкновения двух миров в контексте противопоставления просвещенного Запада и угнетенного и отсталого Востока. В изображениях этапов военной кампании по завоеванию Туркестана он скорее фиксирует внимание зрителя на повседневной (и парадной) жизни войск генерала фон Кауфмана, его по преимуществу интересуется отображение значимых этапов туркестанской военной кампании, исполненной не только торжественных, но также и глубоко трагичных моментов. Изображая Среднюю Азию, типажи ее обитателей, Н. Н. Каразин фиксирует внимание на этнографических моментах, открывая русскому зрителю доселе неизведанный мир.

Таким образом, можно говорить о том, что Н. Н. Каразин не был в художественном творчестве глубоким приверженцем идеологии ориентализма (в саидовском ее понимании), скорее его взгляд на мир Средней Азии – это взгляд путешественника-первопроходца, с этнографической точностью фиксирующего новый для него быт и типажи.

При этом следует отметить, что эта этнографичность была основана на живом интересе Н. Н. Каразина к происходящему, на попытках понять мир Средней Азии как мир Иного, Другого, отличного, но именно поэтому такого интересного.

Подобный вывод позволяет нам предположить, что восточный текст русской культуры не был монолитно ориенталистским. Это предположение необходимо подтвердить или опровергнуть дальнейшим анализом работ литераторов и живописцев, посвятивших свое творчество в том числе Средней Азии. Не менее интересным представляется проследить, как формировалась противоположная ориентализму традиция репрезентации Востока в русской культуре – традиция, основанная на диалогизме и попытке интеграции в единое художественное пространство достижений и Запада, и Востока (как, например, в случае «самаркандских прерафаэлитов», русских авангардистов, представителей т. н. «туркестанского авангарда и др.).

**Дневник Н.Г. Чернышевского 1848 года: к изучению становления мировоззрения
молодого писателя**

Н.Г. Чернышевский вел дневниковые записи с 1848 по 1853 года. Самое главное в дневниках Чернышевского – записи о том, как он проживает каждый день, как меняются условия его жизни и как он находит пути выхода из трудных ситуаций.

М.Н. Чернышевский, сын писателя, издал дневники в 1906 году в 11-томном собрании сочинений Н.Г. Чернышевского, воспользовавшись ослаблением цензурного гнёта

В докладе ставится вопрос: как на основании дневниковых записей Чернышевского 1848 г. удастся исследовать изменения взглядов автора на политическую ситуацию в стране и трансформацию мировоззрения писателя в целом. На это повлияло несколько факторов.

Во-первых, уже с юных лет на будущего писателя оказывала огромное влияние его семья. Воспитывался он в религиозной семье, и служить Богу – вот главная заповедь, которая направлялась юному Чернышевскому.

Во-вторых, во время обучения, на него так или иначе оказывали влияния литературные произведения, которые он изучал. Это были как книги из библиотеки отца в детстве автора, так и книги, которые публицист смог прочесть во время обучения в университете.

В-третьих, впечатления Чернышевского конца 1840-х гг. наложили существенный отпечаток на его развитие личности. Поэтому в его дневнике можно встретить суждения о Великой Французской революции как о способе изменения текущего положения в стране.

К концу дневника уже показывается постепенная трансформация Н.Г. Чернышевского, который бесповоротно меняет свои убеждения в революционную сторону.

Таким образом, дневник публициста Чернышевского является уникальным, так как до нашего времени сохранилось немного работ, которые могли бы отражать всю суть происходящего в человеке, понять все те мысли и чувства, которые испытывал автор в определенные периоды своей жизни. Из человека, который поддерживал монархический строй, он превращается в активного сторонника революции в России. Возможно, с этим

изменением связано и то, что в 1853 году Чернышевский перестает вести свой дневник и переходит на публицистику в «массы», чтобы открыто высказывать свои мысли.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ КАК СЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ

С давних времен традицией царского дома Романовых являлась благотворительность. Поначалу, данная традиция проявлялась в виде помощи неимущим, но с постепенным развитием благотворительности она приобретает наиболее широкий масштаб. Пиком развития такого социального направления является вторая половина XIX- начало XX веков.

Но кто же являлся основным спонсором социальной помощи населения? В основном это были жены императорской семьи, одной из выдающихся была Мария Федоровна, урожденная датская принцесса Мария Фредерика Дагмар.

Главные направления, которые выбрала для себя императрица в развитии благотворительного фонда - это помощь беспризорным детям, помощь инвалидам и старикам, особый акцент делался на женское образование в России.

Детищем Марии Федоровны станет ее благотворительное общество, деятельность которого началась с попечения воспитательных домов и институтов благородных девиц, а также распространилась на нуждающиеся слои населения. Помощь предоставлялась в виде пропитания, проживания, обучения или денежного пособия.⁹ В дальнейшем ведомство начнет развиваться, включая комплекс учреждений призрения, направленных на развитие системы всесословного женского образования, на заботу о младенцах, опеку над подростками, на помощь слепым и глухонемым, престарелым, на оказание медицинской помощи. Поддержка детей становится приоритетным направлением этого общества. К 1901 г. общее число всех детских приютов, опекаемых ведомством Марии Федоровны, составило 428, из них 219 в Москве и Петербурге.¹⁰

Женское образование занимало особое место для императрицы. Благодаря ее деятельности в России появляются учебные заведения для девушек из небогатых семей. Таких учреждений к концу XIX в. в Российской империи было более 70. Мария Федоровна сама подавала пример подданным, жертвуя в пользу ряда учреждений из собственных средств, оплачивала обучение учениц, лишившихся отцов, материально поддерживала вдов.

⁹ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX-начало XX века. М., 2005.С.210

¹⁰ Ульянова Г.Н. Императрица Мария Федоровна в российской благотворительности: материнское попечение о страждущих// Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба. СПб., 2006. С.105

Главную цель своей благотворительной деятельности она видела в следовании христианской заповеди - помочь ближнему, оказавшемуся в тяжелых жизненных условиях.

Помимо особенно незащищенных подданных супруга, а затем вдова Александра III поддерживала науку и культуру: выделяла пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. Высокая нравственная репутация императрицы объединила вокруг нее активистов российской благотворительности.

Мария Федоровна, занимаясь благотворительностью как общественной, так и частной, внесла огромный вклад в дело гуманизации общественной жизни в России.

Укрепление финского побережья в 1855 году: мнение генерал-адъютанта Ф.Ф. Берга

В отечественной исторической науке Крымской войне (1853 – 1856) традиционно уделяется большое внимание. Однако, как известно, боевые действия велись не только в Крыму. Одним из театров военных действий стало Балтийское море, омывающее берега Великого Княжества Финляндского.

Оборона Балтийского побережья в ходе Крымской войны тема не новая и различные ее аспекты неоднократно изучались историками, как в нашей стране, так и за рубежом. Однако в историографии до сих пор отсутствует исследование, посвященное личности финляндского генерал-губернатора Федора Федоровича Берга. Его деятельность по обороне Финляндии рассматривалась историками в контексте общих исследований. В настоящем докладе будет сделана попытка проанализировать информацию о военных приготовлениях Ф.Ф. Берга из неопубликованных документов, хранящихся в фондах РГВИА (Российский Государственный Военно-исторический архив). Изучение данных источников позволяет также пролить свет на сделанные Ф.Ф. Бергом выводы, касательно будущего Свеаборгской крепости и обороны финского побережья в целом.

Большую часть сил Ф.Ф. Берг предполагал использовать для защиты Гельсингфорса и крепости Свеаборг. Последнюю Ф.Ф. Берг планировал укрепить и усилить, в частности, артиллерией, снятой с кораблей. Перечень необходимых работ он перечислил в докладной записке военному министру В.А. Долгорукову. Кроме того, на расстоянии от 70 до 100 верст предполагалось разместить крупную группировку войск. Ф.Ф. Бергом также были предусмотрены меры на случай вступления в войну Швеции. При подобном развитии событий Ф.Ф. Берг планировал использовать легкую кавалерию (казаков) в западной части страны. Активных боевых действий на море вести не предполагалось, а имеющиеся корабли Ф.Ф. Берг считал необходимым использовать в качестве жилья или госпиталей.

Очевидно, своими основными задачами Ф.Ф. Берг видел:

1. защиту наиболее важных пунктов Великого Княжества Финляндского: Гельсингфорса и Свеаборга;

2. сохранить связь со столицей Империи, в связи с чем настаивал на строительстве моста через реку Кюмень, а в дальнейшем ратовал за строительство железной дороги.

После окончания Крымской войны Ф.Ф. Берг, на заседании комитета по обороне Балтийского побережья, охарактеризовал Свеаборг как устаревшую крепость и составил план ее модернизации, поддержанный Э. И. Тотлебенем.

28 июля (9 августа) 1855 года англо-французская эскадра подвергла Свеаборг двухдневной бомбардировке. Однако разрушения, нанесенные крепости, оказались незначительными. На высадку десанта союзники не решились. За укрепление Свеаборга Ф.Ф. Берг удостоился высшей награды – ордена Андрея Первозванного. Можно уверенно сказать, что во многом благодаря действиям Ф.Ф. Берга России удалось избежать сухопутной кампании в Финляндии.

**Советская разведка в 1920-е гг. в Китае: проблема военной школы
Хуанпу**

Военная академия Хуанпу была создана при поддержке советских советников в 1924 году с целью подготовки революционных офицерских кадров Китая.

К основным общим для гоминьдановцев и работавших в структурах Гоминьдана советских коммунистов принципами можно отнести: 1. Стремление к гегемонии, 2. Стремление к установлению власти трудящихся, 3. Стремление к аграрной революции, 4. Создание общей военной базы. 5. Организация и укрепление централизованной системы Гоминьдана.

Главное отличие между интересами гоминьдановцев и коммунистов заключается в том, что гоминьдановцы стремились к завоеванию власти внутри страны, а русские коммунисты планировали создать сильнейшую мировую коммунистическую армию, которая сможет противостоять западным империалистам, для чего и была создана военная академия Хуанпу в Китае.

К первому этапу деятельности коммунистов в военных органах и соединениях гоминьдановской армии относится создание военной школы Хуанпу (Вампу) в мае 1924 года. Данная школа была создана при помощи советских военных специалистов, таких как В.К.Блюхер, М.М. Бородин и т.д. Возглавлял школу Чан Кайши. С период с 1924 по 1926 гг. из школы было выпущено порядка 4 000 военных.

Ко второму этапу деятельности коммунистов в военных органах гоминьдановской армии относится развитие единой централизованной подготовки военных кадров, преимущественно разведывательных структур. Данный период датируется концом 1924 года - концом лета 1925 года. Создается Офицерская школа сухопутных войск. Создается некое «военное ядро».

К последнему этапу деятельности коммунистов относится завершение деятельности в подготовке военных кадров: конец 1925- 1926 гг. На данном этапе создается Центральная военно-политическая школа НРА- раскол между гоминьдановцами и коммунистами.

Какова роль советских советников в становлении военной академии Хуанпу:

1. В центральных органах управления - роль советников неоспорима. Именно там была поставлена задача революционной активизации.

2. В военной школе Хуанпу - многие советские коммунисты готовили кадры в данной военной школе, например, П.А. Павлов. Советы спонсировали военную школу Хуанпу оружием, кадрами, финансами.

3. В войсковых частях и соединениях деятели советники пропагандировали свои идеи развития коммунизма.

Национализация усадьбы "Архангельское" в 1918 г. и становление музея в 20-е гг. XX в.

Доклад написан на основе периодической литературы г. Красногорска

- 1) В результате Великой Октябрьской революции в конце 10-х и начале 20-х гг. прошлого века все усадьбы пребывают в запустении, вследствие чего происходит их разрушение.
- 2) В начале 1920-х годов в Москве и Подмосковье некоторые уцелевшие бывшие «дворянские гнезда» превращаются в музеи, но такие музеи требовали значительного финансирования. Ни Наркомпрос, ни местные органы власти никогда не имели достаточных средств. Вследствие чего ряд музеев был закрыт.
- 3) В мае 1919 года «Архангельское» по решению Наркомпроса было открыто как дворец-музей. В начале 1920-х гг. Красная армия остро нуждалась в госпиталях и санаториях, тогда Архангельское превращается в специализированный военный санаторий .
- 4) Когда дворец открылся для массового посещения, первоочередной задачей его сотрудников стало проведение описания и учета художественных коллекций с целью их дальнейшего сохранения. Во дворце проживал верховный главнокомандующий Л. Д. Троцкий. Первое время Наталья Ивановна Трoцкая осуществляла общее руководство Музейным отделом, в том числе проблемами вывоза художественных коллекций и организацией музеев.
- 5) Начиная с 1919 года в штате музея-усадьбы числилось 11 сотрудников. В их числе была первая заведующая В.А. Фревиль, занимавшая эту должность с 1919 по июнь 1927 года. Вслед за ней музей возглавил Алексей Александрович Найдышев.
- 6) В 1927 году перед Музейным отделом Наркомпроса ставится вопрос об определении «Архангельского» базой, где были бы сконцентрированы все художественные сокровища семьи Юсуповых с целью «изучения вкусов и направления мыслей общества XVIII и XIX столетий».
- 7) Работы по обследованию коллекции живописи вели А. В. Власов, А.А. Найдышев, В. В. Лебедев, Ю. П. Анисимов. Они отметили, что галерея включает в себя довольно ценный подбор картин художников XVII и XVIII веков. А.А. Найдышев отмечает, что хранить такие шедевры в запасниках совершенно недопустимо и поэтому

необходимо срочно приступить к реставрации и их развеске по выработанному музеем плану.

Первые градостроительные планы г. Кировска 1929-1940 ее гг.

Создание новых индустриальных центров в годы первых пятилеток поставило задачу строительства поселений для строителей и будущих рабочих. Опыта строительства городов с нуля до революции было не много, но и на него опираться было невозможно. Новая советская действительность диктовала свои требования, что изменило и принципы градостроительной политики. Одним из примеров такого города является Кировск (до 1934 г. Хибиногорск), его строительство связано с созданием комплекса по добыче и переработке апатита. В градостроительных планах и практике Кировска отразились основные тенденции развития культуры в СССР в 1920-1930-х гг. Целью данного доклада является выделение в градостроительных планах характерных для эпохи элементов и способов властной репрезентации. Однако не стоит забывать, что проектируемое на бумаге и реализованное часто различались.

При выборе места для строительства будущего города первостепенную роль играло расположения производства, а не селитьбы. Поэтому было принято решение о строительстве города у подножия гор, месте с не самыми благоприятными климатическими условиями, но поблизости от рудника. Расположение селитьбы второстепенно по отношению к производству. Поэтому фабрика располагается на берегу оз. Б. Вудъявр, а жилая часть города отделена от озера промышленной зоной и железной дорогой. Здание фабрики АНОФ-1 не только определяло «смысл» существования соцгорода, но и задавало планировочную композицию поселения.

Первый генплан, созданный О.Р. Мунцем, связан со строительством Соцгорода, возможно, навеян Баухаусом и поездкой советских архитекторов в Германию в 1927г. Композиционным центром является пр. Ленина связывающий промзону и Дворец культуры и расположенные рядом с ним спортивные сооружения, парк. Таким образом, задавался вектор движения жителей между зоной труда и зоной проведения досуга. В месте начала пр. Ленина недалеко от промзоны в 1932 г. был построен первый на Кольском полуострове звуковой кинотеатр “Большевик” на 1200 человек. Своей архитектурой он напоминает клуб им. Зуева в Москве. В горняцком поселке Кукисвумчорр (сейчас район города) в шаговой доступности от рудника и на высотной доминанте был построен дворец культуры “Горняк”.

Подобное решение можно увидеть и во втором генеральном плане 1937г. А.М. Сколова. Однако теперь композиционный центр переносится на овальную площадь с расходящимися от неё проспектам, которая как бы открывает проход к фабрике и

наоборот из фабрики в город. При этом в изголовье площади планировалась постройка дворца советов, а центральный луч, решенный в виде цепочки лестниц подходил к дворцу культуры. Таким образом, в архитектурное решение помимо трудового и досугового, проникает еще и властный дискурс.

Все капитальные здания, построенные или начатые до 1932 г., решены в конструктивистской стилистике, позднее виден четкий переход к классической ордерной системе. Смена генеральных планов совпадает с переходом от конструктивизма к сталинскому ампиру в 1932 г.

Оба плана не были реализованы в полной мере. Первыми капитальными строениями были общественные здания: бани, столовые, больница, школы, клубы. В первых трех каменных жилых зданиях так же располагались управление треста “Апатит”, Горисполком и типография газеты. Основным видом жилья на протяжении 1930 гг. были бараки. Наличие барачков и необходимость их замены на капитальные строения не учтены в генпланах, что станет проблемой в 1950 гг. Также генплан О.Р. Мунца не учитывал наличие с ОЛП №5 и БУРа на территории будущего города.

Исходя из этого, можно сказать, что система городского пространства организовывалась под влиянием социально-политической среды и являлась одним из способов репрезентации властных дискурсов. Информация, заложенная в архитектурных объектах, структурировала социальную реальность, создавала механизмы коммуникации. Визуально конструируемое пространство советского города 1920–1930-х годов использовалось властью как для собственной легитимации, так и для репрезентации и пропаганды себя и своего видения прошлого, настоящего и будущего.

Список источников и литературы

1. Ежегодник Общества архитекторов-художников. Выпуск XIV. Ленинград. 1935 г.
2. Меерович М.Г. Градостроительная политика СССР (1917-1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: НЛЮ, 2018.
3. Конышева Е.В., Меерович М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). СПб: изд-во Ленанд, 2012.
4. Токарев А.Д., Петров В.П., Макарова Е.И. Создание апатитовой промышленности в Хибинах (Кольский полуостров) как исторический раннесоветский опыт хозяйственного освоения заполярного региона в 1920- 1930-х гг. Доступно из: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-apatitovoy-promyshlennosti-v-hibinah-kolskiy-poluostrov-kak-istoricheskiy-rannesovetskiy-opyt-hozyaystvennogo-osvoeniya> (Дата обращения 2.03.2020г.)

Стратегии пропаганды после событий «черной субботы» в публикациях газет «Правда» и «The New York Times» от 28-29 октября 1962 года во время Карибского кризиса

Цель доклада – выявить основные пропагандистские стратегии в публикациях газет «Правда» и «The New York Times» после событий «черной субботы» во время Карибского кризиса. Изучение публикаций от 28-29 октября 1962 года в газетах «Правда» и «The New York Times» необходимо для понимания того, каким образом выстраивали свою политику авторитетные печатные издания в самые напряженные дни Карибского кризиса.

Нами были проанализированы основные принципы пропагандистских стратегий в газетах «Правда» и «The New York Times» от 28-29 октября 1962 года по ряду критериев:

- количество публикаций;
- размещение статей в газете;
- анализ заголовков (контент-анализ);
- объективность подачи фактов и событий;
- фотографии;
- текстовый материал (контент-анализ);
- использование образов (образ врага, образ политического лидера, образ героя-жертвы и др.)

В результате проведенного сравнительного анализа стали очевидны следующие различия в пропагандистских стратегиях советской и американской прессы:

1. На основании количественного анализа статей и заметок можно делать вывод, что газета «The New York Times» публиковала значительно больше материалов, посвященных Карибскому кризису.
2. Обе стороны конфликта после событий «черной субботы» подавляющее большинство материалов первой полосы посвятили ракетному кризису на Кубе. Контент-анализ заголовков выявил, что американская газета «The New York Times» использует совершенно разное экспрессивное наполнение: от осуждений, призывов и опасений до предупреждений и просьб. А вот советские

заголовки не имеют столь разнообразных посылов к аудитории. В них часто передается либо событийная информация, либо выражено одобрение политики.³

3. Американская газета «The New York Times» стремится к более объективному отображению фактической информации, в отличие от газеты «Правда», которая замалчивает часть фактов.

4. Обе газеты активно пытаются создать образ врага и демонизируют противника. Советская газета регулярно рассказывает о целях и идеях врага, о захвате территорий, порабощении наций, экономической блокаде и др. Американская газета «The New York Times» часто использует образы (героя-жертвы, образ политического лидера и т.д.).

5. Обе газеты регулярно прибегают к методу многократного повторения информации, поэтому одни и те же факты разбираются и анализируются несколько раз даже в рамках одного номера газеты.

6. Интересной особенностью является желание каждой стороны конфликта показать широкую поддержку «народом» действий своего правительства. Не случайно на первой полосе 28 октября 1962 года обе газеты размещают фотографии, посвященные митингам в поддержку правительства.

7. Контент-анализ ключевых слов в статьях показал, что американская и советская стороны использовали схожий набор ключевых слов в статьях о ракетном кризисе. Некоторые ключевые слова в обеих газетах используются примерно с одинаковой частотой, другие же совершенно не совпадают. Лексика советской газеты «Правда» более экспрессивная и эмоциональная по сравнению с лаконичной американской газетой «The New York Times».

Выводы. Проанализировав статьи в газетах «Правда» и «The New York Times» от 28-29 октября 1962 года, можно сделать вывод, что обе стороны конфликта использовали аналогичные способы воздействия на аудиторию (создание образа врага, многократное повторение информации, изображение широкой поддержки среди населения и др.). Однако, американская газета «The New York Times» склонна заполнять газетные полосы огромным количеством публикаций и дает более объективную картину происходящим событиям. Газета «Правда», несмотря на меньшее количество публикаций, чаще использует экспрессивные методы воздействия, но склонна замалчивать некоторые важные факты.

Место памяти Норильская Голгофа: как все начиналось

Историческая память содержит знание об судьбоносных вехах и событиях. Место памяти – понятие, введенное Пьером Нора в начале 80-х годов XX века. Это единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти. В городе Норильске таким местом памяти является мемориальный комплекс «Норильская Голгофа». Этот памятник содержит знания о трагических событиях истории нашей страны – политических репрессиях в 30-50-х годах XX века.

Начало строительства мемориального комплекса относится к началу 90-х годов 20 века. В этот период развернулась широкая критика сталинизма и политики СССР в 30-50 е годы 20 века. Силами энтузиастов общества «Мемориал» в 1990 году был установлен деревянный крест на символической могиле в память жертв Норильлага и освящена часовня. Строительство часовни осуществлялось под руководством В. Наговицина на средства частного предприятия «Практик», автор О. Горохов. В июле 1991 года на кладбище под горой Шмидта состоялось захоронение останков заключенных в братской могиле, при поддержке Музея освоения и развития НПП, а также в 1991 году участники экспедиции трех прибалтийских республик построили мемориальный комплекс в память о погибших в лагерях латышах, литовцах, эстонцах. Все данные места памяти созданы и благоустроены по инициативе норильчан и жителей других городов на собственные средства.

Данная информация позволяет нам сделать вывод о том, что городские власти, руководители Норильского комбината до 1994 года не были заинтересованы в создании мемориального комплекса. Объяснением может служить то, что только с 30 октября 1991 года стал отмечаться День памяти жертв политических репрессий. И эта тема стала актуальной среди общественности не только города Норильска, но и государства в целом. Первым документом, в котором поставлен вопрос о сохранении исторической памяти в НПП была «Справка к вопросу на коллегияю «О сохранении исторической памяти в НПП» от 28.12.1994 года, в которой говорилось о необходимости постановки и всестороннего осмысления исторической памяти в НПП и проведении данной работы на основе утвержденной программы. Заслушав и обсудив информацию начальника управления по делам культуры и искусства Сербиной Н.Я., коллегия отметила, что «меры, принимаемые ранее по созданию памятников, барельефов и других

памятных знаков, осуществлялись без единой концепции и перспективной программы. Памятники, имеющиеся в НПП, не отражают в полной мере своеобразия истории города и комбината, лишены хозяйственной заботы, а некоторые утрачены безвозвратно». На основании данного постановления была утверждена перспективная программа формирования мемориальных зон исторической среды Норильского промышленного района на 1995-2000 годы.

В перспективной программе формирования мемориальных зон исторической среды Норильского промышленного района (1995-2000 годы) в разделе III - Увековечение памяти репрессированных узников Норильлага было предусмотрено.

- «1. Сооружение мемориального комплекса (памятника), посвященного узникам Гулага.
2. Обустройство мемориальной зоны под горой Шмидта.
3. Реставрация одного из сохранившихся лагерных барачков.
4. Памятный знак на месте расстрела заключенных на территории Норильска-2 (район бывшей штольни)
5. Барельеф, посвященный врачам центральной лагерной, а затем городской больницы (возможное расположение барельефа – район ул. Заводской и ДИТра)
6. Барельеф инженерам и ученым-узникам Норильлага стене ДИТРа».